

Глава 1. Пролог.

Что таится в море?

Что сокрыто в море?

Кораллы, ракушки, морская трава.

Большие рыбины, малые рыбешки, креветки-малютки.

Если бы этот вопрос задали шесть лет и восемь месяцев назад, люди наверняка ответили бы именно так. Сегодня на рассвете, когда я по привычке запустил плейлист, который слушаю уже полгода, эта заунывная песенка из двенадцати слов внезапно выскочила первой, мгновенно вырвав меня из полудремы. Я сел на кровати и впился глазами в экран терминала. Сон как рукой сняло.

На дисплее — пустота. Сеть отключена уже четыре месяца, и это в третий раз, когда в моем списке воспроизведения сама собой всплывает песня, которую я никогда не скачивал.

Местный плейлист я выучил наизусть: еще полгода в таком режиме, и я смогу пропеть его задом наперед, не запнувшись ни на одном слове. Поэтому такие странные «подарки» системы стали для меня своего рода развлечением. Я прикрыл глаза, послушал еще немного и снова откинулся на подушку.

Должно быть, системный сбой на музыкальном форуме. Видимо, старый баг, который теперь и чинить-то некому — сервис доживает свои последние дни перед окончательным крахом.

«Что таится в море?»

«Кораллы, ракушки, морская трава».

«Большие рыбины, малые рыбешки, креветки-малютки».

Монотонно, скучно, круг за кругом. Совсем как моя жизнь.

Когда песня пошла на девятый заход, маленький экран на стене подмигнул и дважды пискнул. Раздался плоский механический голос:

— Доброе утро. Текущее лунвэйское время — восемь часов тридцать минут...

«Знаю», — мысленно отозвался я. Сняв наушники, я положил их на полку у изголовья.

Одновременно с сигналом таймера чуть ярче вспыхнула энерголампа, залив комнату тусклым, холодным светом. Кровать, стол, стул, умывальник и ящик для вещей — всё под этим освещением отливало бездушным стальным блеском. Со стороны это место больше всего напоминало высокотехнологичную «умную» тюрьму.

Если использовать тюремную метафору, то я «отбываю срок» уже больше полугода. И это чистая правда: место, где я сейчас нахожусь — одна из экстренных подземных убежищ города Мортон, — по условиям содержания едва ли превосходит каторгу.

В девять утра электроника в комнате исправно включается, чтобы зачитать сводку новостей из Главного города. По воскресеньям это происходит на полчаса раньше. Поскольку Мортон сейчас на девяносто процентов отрезан от локальной сети Лунвэя, общение внутри города деградировало до шепотков и, если повезет, «голубиной почты». Технологический уровень откатился на три столетия назад. Без присмотра инженеров система зациклилась на новостях, вышедших до ноября 2109 года. Она крутит их по кругу, и сегодня очередь дошла до марта прошлого года. Тогда Мортон еще был полон жизни. Глядя на эти кадры из сегодняшнего дня, чувствуешь лишь нелепость, смешанную с глухой тоской.

Я заправил постель, почистил зубы. Привычным жестом вскрыл банку консервов из скудных запасов и опустился на холодный стул. Из динамиков доносился бодрый, профессионально поставленный голос диктора — он вещал о событиях, которые давно стали пылью. Через полчаса вещание прекратилось, экран на мгновение погас, а затем на нем медленно выстроилась строка из пикселей и схематичный смайлик:

[Начинаем публикацию внутренней информации о небезопасных городах :)]

Каждое утро в девять часов по специальному каналу Лунвэя транслируется этот контент. Это правило установили четыре года назад. Для жителей «безопасных городов» эти сводки не значат почти ничего, но для тех, кто остался в «небезопасных», они стали жизненно важными. Я отправил в рот кусок тушенки. За месяцы такой диеты язык перестал различать вкусы — любая еда казалась пресной, как пепел. Вскоре пиксели на экране перегруппировались.

[Начинаем публикацию важных сводок «Стратегии Ковчег» на этой неделе :)]

Еженедельные отчеты стали для людей нашего времени главным успокоительным. Неважно, что именно в них говорится — сам факт того, что система работает, позволяет большинству перевести дух. Это значит: человечество еще не кончилось. Каждая платформа может вносить в интерфейс мелкие правки. Та, что смотрю я, всегда добавляет этот примитивный смайлик — двоеточие и скобку. Удивительно, но людям почему-то нравится на него смотреть. Раньше была платформа, которая ставила грустный смайл, но она быстро обанкротилась — люди говорили, что не могут выносить вида чужих слез, когда сами готовы зарыдать в любую секунду.

«Стратегия Ковчег»... Шесть лет назад, когда на мир обрушилась катастрофа, всё изменилось. Эта стратегия стала плодом труда лучших умов планеты, собравшихся в Главных городах. Вероятно, это самый грандиозный проект по спасению вида в истории человечества.

Объединение сетей в единый контур было ключевой частью плана, завершённой четыре года назад. Проект потребовал колоссальных ресурсов, но окупился сполна: благодаря ему удалось спасти огромное количество людей, которые в начале хаоса оказались заперты в информационном вакууме. Я не помню точных цифр, помню только, что результат сочли триумфальным.

Да, это было правильное решение...

Дон!

Где-то далеко над головой раздался тяжелый, гулкий удар. Мясо на вилке дрогнуло и плюхнулось обратно в банку, обдав меня брызгами жирного соуса. Я замер на несколько секунд. Когда грохот стих, я снова подцепил кусок и отправил его в рот. Вскоре последовал второй удар. Трещина на стене у кровати стала чуть глубже; её рваные края, отливающие металлом, скалились на меня, точно уродливая, разъяренная рожа.

Это тоже часть моей «рутины». Терпеть «землетрясения». Со временем я перестал называть это «терпением» — теперь я просто их чувствую.

Под аккомпанемент легкой вибрации я методично разрезал мясо, жевал и глотал. Когда я закончил с едой, жуткие глухие звуки тоже начали удаляться. На смену им пришло тихое, протяжное завывание соседей из комнат напротив. С тех пор как в моей стене появилась щель, звукоизоляция стала совсем никудышной, и эти стоны отчаяния теперь сопровождали меня постоянно.

Я привык. Привык настолько, что почти забыл, как когда-то не мог этого выносить. Я убрал пустую жестянку, поставил терминал на зарядку и снова сел за стол, подперев голову руками.

Поел, поспал, сходил в туалет. Больше делать нечего. Жизнь в убежище — это бесконечная комбинация этих трех действий. До того как сеть рухнула, была хоть призрачная надежда следить за новостями, но после окончательного падения Мортон исчезло и это развлечение. Пока в убежище есть свет и запасы еды, я копчу небо. Когда они закончатся — закончится и моя история.

Скука способна убивать. За полгода катастрофы унесли жизни множества людей, голод и болезни добились остальных. Те же, кто застрял в мертвых городах, медленно сходят с ума от страха, безнадежности и пустоты. Мы — те, кто еще дышит в этих руинах, — лишь временные выжившие.

Нас никто не придет спасать. Нас списали со счетов. Такова жестокая, неоспоримая реальность.

Безупречная и беспощадная «Стратегия Ковчег» всё точно рассчитала. Если число подтвержденных выживших в поселении падает ниже 34,8%, а активность «этих тварей»

достигает уровня, парализующего городские сети — затраты на спасательную операцию превысят любую потенциальную выгоду. Это не просто теория. В начале реализации стратегии Главный город предпринял несколько попыток спасения прибрежных городов, которые обернулись чудовищными потерями и полным провалом. После этого и появилось то, что в народе называют «Решением о городе-руине».

Конечно, официально никто не объявляет городу смертный приговор. Просто часть людей приносится в жертву ради выживания вида. Жестоко, но рационально. И реальность раз за разом подтверждает правоту этого подхода.

За полгода до того, как Мортон признали «мертвым городом», Главный город трижды присылал помощь. Все три раза спасатели гибли, не достигнув цели. За это время население Мортоня стремительно сократилось, пробив критическую отметку в 34,8%. Вероятно, штаб в Лунвэе лишь тяжело вздохнул, подсчитывая убытки от неудачных попыток. Последним проявлением их милосердия стало сохранение удаленных поставок и решение не озвучивать правду, которую и так все знали. Вот и в это воскресенье выжившие в мертвых кварталах в сотый раз пересматривают старые записи, галлюцинируя о спасательных капсулах, которые упадут с небес... или о внезапной смерти, которая наконец оборвет этот кошмар.

Люди, которые вместе со мной прятались в подвалах этого жилого комплекса, в большинстве своем исчезли. Раньше я и представить не мог, что смогу провести семь месяцев в беспросветной тьме подземелья. Оказалось, перед лицом настоящего ужаса личные предпочтения ничего не стоят. Моё сознание словно впало в кому, отказываясь думать о будущем и принимая окружающий ад за норму. Это болезнь, не иначе. Но иногда мне кажется, что именно эта апатия позволила мне не сойти с ума окончательно.

Бам!

Внезапный грохот заставил меня подскочить. На этот раз всё было иначе. Звук раздался не где-то там, а прямо за спиной. В следующую секунду комнату залил ослепительно белый свет, точно от удара молнии, а энергосветильник в углу с треском лопнул. Предчувствие беды не обмануло: я отшвырнул стул и вскочил. На моих глазах вваренные в стены стол и кровать начали деформироваться. С оглушительным скрежетом металл лопался, а стена вдруг вспучилась, точно вена на виске разгневанного титана.

Всё произошло в считанные секунды. Мебель летела кувырком, бетон крошился. Я пятился, не в силах даже вскрикнуть, глядя, как стена сминается в невозможную фигуру. Мгновение растянулось в вечность. Когда искореженная перегородка наконец замерла, прижав меня к самой двери, пол вокруг был усеян обломками и острой стальной крошкой.

Еще пара сантиметров — и я превратился бы в кровавое месиво между дверью и расширяющейся стеной.

Я замер, вжавшись спиной в дрожащее полотно двери. Голова закружилась от дикого выброса адреналина, а из глубин души поднялся первобытный, парализующий ужас.

***

Кх-х... кр-р...

В тишине слышался лишь предсмертный треск поврежденного металла. Прошло несколько секунд, но ничего не изменилось. Похоже, «оно» пока не собиралось входить. Я судорожно выдохнул; время снова обрело привычный ритм. Холодный пот катился по спине градом.

Впервые за много месяцев я почувствовал нечто иное, кроме тупого оцепенения.

«Оно». Шесть лет назад нечто разрушило наши представления о море, о мире, о самой жизни.

«Эта штука»... Её нельзя назвать растением или животным, и уж точно — не человеком. Никто не знает, что это и на что оно похоже на самом деле. В сентябре 2103 года они поднялись из океанских глубин на пляж Золотых Костей в Лунвэе. В первый же день погибли сотни людей. Репортеры соревновались в эпитетах, но даже самые маститые писатели теряли дар речи, столкнувшись с ними лицом к лицу.

До падения Мортонна я видел одну такую тварь своими глазами. Если верить телевизионным сводкам, это было «покрытое шипами красное шестиногое существо с одной гипертрофированной клешней». В других репортажах описывали «комочек плоти с бараньими рогами и десятиметровым хвостом, утыканным иглами тверже стали»... И так далее. У первых жертв даже не находили останков. И причина тому лишь добавляла жути всему происходящему: они просто «очень чисто ели».

Сначала их было чуть больше десятка, но вскоре твари заполнили все океаны мира. Они выходили на сушу, вползали в города, точно бульдозеры сметая оборонительные рубежи. Они убивали всех без разбору и пожирала тела. Люди использовали ракеты, бомбардировщики, пушки, ножи и камни — но число убитых монстров не составляло и доли процента от числа погибших людей.

Один удар их причудливых конечностей мог впечатать человека в бетон, пробив перекрытия трех этажей. Их пасти дробили кости без звука, а сами они не нуждались в выделениях. Куда девались съеденные люди? Никто не знал. Очевидцы этих сцен навсегда теряли рассудок. И таких безумцев в мертвых городах теперь тысячи.

Появление «Стратегии Ковчег» замедлило падение цивилизации, но для меня это уже не имело значения. В октябре прошлого года Кракены прорвали оборону Мортонна. Южная часть города, где я жил, пала за месяц. Четыре месяца назад сдался и север. Как перегоревшая лампочка, издавшая прощальный щелчок, интернет исчез навсегда. Мы остались одни.

Десяток человек без связи — это неприятность. Целый город в офлайне — это кошмар. Мортон превратился в изолированный остров.

...И сейчас, прожив на этом острове семь месяцев, я снова столкнулся с Неизбежностью. Когда грохот стих, я еще какое-то время стоял, прижавшись к двери, ощущая, как ледяной пот струится по позвоночнику. Воздух в тесной комнатухе стал невыносимым. Я рванул ручку и вывалился в коридор.

В нос тут же ударил тошнотворный, неопиcуемый запах. Коридор был завален мусором, но вонь шла не от него. В конце галереи дверь одной из комнат была приоткрыта. В свете мерцающей лампы я увидел человеческую фигуру у порога. Рука, лежавшая на полу, превратилась в разлагающееся месиво.

В такие моменты понимаешь, что хорошее зрение — сомнительный дар. Я резко отвернулся, но картина уже выжглась на сетчатке. Под ударом визуального шока я не выдержал и согнулся в приступе рвоты прямо у стены.

Я знал, в какой ад превратились коридоры убежища, и старался не выходить без крайней нужды, оберегая остатки рассудка. Но сегодня стена сама решила напасть на меня. Кое-как отдышавшись, я заставил себя обернуться к своей разрушенной комнате.

Убежище уходило на четыре этажа под землю, я жил на втором. По логике вещей, ничто не могло пробить мою комнату, если только не взорвать всё здание сверху донизу. Но в мертвом городе логика — плохой советчик. Я потер лицо, пытаюсь прийти в себя, и заметил, как в соседней двери открылась узкая щель. Оттуда на меня смотрел заросший щетиной мужчина. Его глаза были полны дикого, запредельного ужаса.

Мы молча смотрели друг на друга. Я не разговаривал с людьми вечность и не знал, с чего начать. Я хотел было объяснить бедолаге, что случилось, но заметил, как его челюсть медленно отвисла, а лицо приобрело землистый оттенок.

Он смотрел не на меня.

Я медленно повернулся. Дверь моей комнаты, которую я только что закрыл, распахнулась. Из темноты, густая и вязкая, вытекала тень.

— ...Привет.

Ни один человек в здравом уме не станет здороваться с «этим». Моя душа словно отделилась от тела: приветствие, которое я готовил для соседа, сорвалось с губ и адресовалось совсем не тому объекту. Но исправлять ошибку было уже некому.

По спине пробежал ледяной разряд.

Жуть, холод... и невыносимый запах морской соли и гнили. Нет слов, чтобы описать это чувство.

В десяти сантиметрах от меня стояло само воплощение ужаса нашего века. Венец катастрофы. Существа, у которых почти нет слабостей. Новый вид, вышедший за рамки земной биологии. У них было имя.

Ученые Лунвэя назвали их Кракенами (Kraken). Но люди чаще называли их просто «монстрами», «тварями» или — «А-а!», потому что это было единственное, что они успевали крикнуть перед смертью.

Чертовски остроумная шутка. Я еще не крикнул «А-а!», а значит, я еще жив. Слабое утешение.

Тварь медленно двигалась, выползая из теней моей комнаты. Её туловище мерно пульсировало, точно гигантское сердце, а часть отростков была закручена в жуткие спирали. В полумраке нельзя было разобрать её форму целиком — она просто текла наружу, как приливная волна. Одна из конечностей ритмично раскачивалась, заканчиваясь острым когтем, способным вскрыть человека, как консервную банку.

Оно потянулось ко мне.

Мир поплыл перед глазами. В ушах зазвенело, я слышал, как кровь с бешеным гулом несется по венам. Ноги стали ватными. Всё вокруг замедлилось, точно в густом сиропе. Наверное, так и чувствуется порог смерти.

...Если я выживу, думаю, я и к этому привыкну.

<http://bllate.org/book/17156/1644447>